

УДК 323.25

ПРОБЛЕМА НЕНАСИЛИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭТИКЕ

О. В. Омеличкин

NON-VIOLENCE ISSUE IN POLITICAL ETHICS

O. V. Omelichkin

В статье анализируются прошедшие в России протестные акции с точки зрения теории ненасилия. Рассматриваются основные идеи и принципы ненасилия, разработанные в политической этике.

The paper focuses on the protest actions in Russia from the viewpoint of the non-violence theory. The major ideas and principles of non-violence elaborated in political ethics are discussed.

Ключевые слова: протест, ненасилие, моральная правота.

Keywords: protest, non-violence, moral rightness.

В последнее время в России прошли массовые акции протеста, связанные с итогами парламентских и президентских выборов. Следует подчеркнуть, что данные акции носили мирный характер и отмечены сдержанностью как со стороны властей, так и оппозиции. Однако в подобных случаях всегда существует угроза несанкционированных действий и провокаций со стороны экстремистских сил. Поэтому представляется необходимым обратиться к теории ненасилия, чтобы рассмотреть особенности данной модели протестного поведения и извлечь определенные уроки из происшедших событий. Это особенно важно для демократического будущего страны.

Ненасилие можно рассматривать как этическую установку, выражающуюся в принципиальном отказе от насилия для достижения политических целей. Она демонстрирует несогласие с властью в виде отказа ей в поддержке и сотрудничестве.

Идея ненасилия в той или иной степени содержится во всех религиях мира. В Нагорной проповеди она выражается словами: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую... Вы слышите, что сказано: «люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего». А Я говорю вам: любите врагов ваших» (Мф 5, 38 – 39, 43 – 44). Впрочем, всегда находились аргументы, оправдывающие применение насилия для защиты жизни или торжества справедливости. Имеет место и обычное несовпадение меж-

ду абстрактным моральным принципом и политической практикой.

В этой связи небезынтересно обратиться к классической теории ненасилия. В ряду мыслителей, занимавшихся данными проблемами, мы выделим М. Ганди, для которого ненасилие было, по сути, единственной фундаментальной истиной, его кредо. Он возвел ненасилие в вечный закон человеческого вида. Оно рассматривалось как выражение духовности, любви и доброй воли. Ганди писал: «...Бомбу нельзя уничтожить контрбомбой, также как насилие нельзя уничтожить контрнасилием. Человечество может избавиться от насилия только путем ненасилия. Ненависть может быть побеждена только любовью. Ответная ненависть служит лишь распространению и усилению ненависти» [1, с. 203]. Вот путь активной борьбы со злом и неблагоприятными обстоятельствами. Близкие, но содержательно иные идеи высказывал Л. Н. Толстой, который также призывал крестьян не отвечать насилием на творимое самодержавием и помещиками зло и угнетение и добиваться своих целей и конечного освобождения путем непротivления силе. При этом он указывал на необходимость изменения и самосовершенствование самого человека, а не внешних условий его жизни и общественного положения. Тем самым он лишил саму проблему освобождения какого-либо политического смысла и переводил ее исключительно в моральную плоскость.

В своей статье «Паломничество к ненасилию» М. Л. Кинг выделил основные аспекты философии не-

насилия: во-первых, ненасильственное сопротивление – это не метод для слабых, это действительно сопротивление. Его не используют из страха или бессилия. Это путь сильных людей. Оно является не пассивным сопротивлением злу, а активным, прежде всего духовным ему сопротивлением; во-вторых, с помощью ненасилия не стремятся победить или унижить противника. Это лишь средство для пробуждения у него морального стыда и достижения взаимопонимания и примирения. Его целью является создание общности; в-третьих, атака здесь направлена против сил зла в большей степени, чем против тех людей, которым пришлось творить это зло и которые сами стали его жертвами; в-четвертых, оно характеризуется готовностью принимать страдание без возмездия, принимать удары противника, не отвечая на них. Никто не ищет возможности уклониться от наказания; в-пятых, оно стремится избегать не только внешнего физического воздействия, но и внутреннего насилия духа. Ему свойственен отказ не только стрелять в противника, но и ненавидеть его. Центром ненасилия является принцип любви и понимания; в-шестых, ему присуще осознание того, что на стороне справедливости находится весь мир. Ненасилие пронизано верой в будущее [2].

Проблема ненасилия занимает важное место в современной политической теории. Нередко оно рассматривается как синоним этики, поскольку выступает как содержательное определение добра [3, с. 72]. Ненасилие рассматривается при этом как наиболее реальный путь к справедливости. Кроме того, оно наделяется способностью преобразовать не только отдельного человека, но и массы людей, общественные институты и взаимоотношения государств. По этому поводу мы поддерживаем мнение тех ученых, которые полагают, что ненасилие при всем его значении может представлять только отдельную область этического. Другую его сторону составляет политическая борьба со злом, активная защита людей и их достоинства во имя добра и справедливости.

В основе данной позиции лежит разграничение зла, которое причиняет определенная политическая система или институт, и жизни конкретных людей, которые совершают это зло и одновременно являются его жертвами. Поэтому ненасильственная борьба с системой и ее беспощадная критика не должна переходить в борьбу с людьми, в нее вовлеченными. Во всяком случае, она не должна унижать их достоинство и носить исключительно обвинительный характер. Конечно, при этом приглушается вопрос о личной ответственности политиков за чинимые ими неблагоприятные поступки. Но одновременно создается возможность мирного разрешения конфликтов без ущерба для репутации власти и достижения приемлемых для всех компромиссов. Такая позиция, по мнению исследователей, лишает носителей власти присвоенного ими чувства морального превосходства, обусловленного их позиционированием в глазах нейтральной общественности в качестве признанных представителей политического порядка и законности. Противники данного порядка обычно представляются в деструктивной роли подстрекателей к насилию и разрушению. Поэтому в гражданской позиции ненасилия происходит легитимизация политического протеста, и оппозицией приобретает моральное право на критику существующего режима без ущерба для всего общества.

Ненасилие есть основа для согласования политических интересов и достижения взаимопонимания сторон в условиях позиционных конфликтов. Мы согласны с Р. Нибуром, который пишет: «...Ненасильственное принуждение относится к тем типам принуждения, которые дают величайшие возможности для формирования в социальной жизни гармоничного соотношения моральных и рациональных факторов. ...Оно позволяет сохранить в зоне конфликта моральные, рациональные и сотрудицеские отношения, тем самым не уничтожая, а увеличивая нравственный потенциал ситуации» [4, с. 397].

Следует подчеркнуть, что главным основанием для политики ненасилия является невозможность достижения целей иным, т. е. насильственным способом действия. Об этом говорил и М. Ганди. Но другим таким основанием является возможность достижения данных целей наименее затратным и гуманным по сравнению с насилем способом – путем мирных требований и переговоров. Реальность такого подхода делает политику ненасилия желательной и предпочтительной. Это не прямой захват власти, а особая программа изменения политических отношений (с помощью духовного очищения), которое заканчивается реформой или мирной передачей власти [1, с. 196].

Политика ненасилия строится на фундаменте веры в нравственные силы человека. Как бы ни был он притеснен и унижен, обманут или напуган, в нем остаются чувства и представления о добре и справедливости. Ведь людей обычно не просто угнетают. Они одновременно позволяют поработить себя и смиряются с этим. Они подчиняются несправедливому порядку и даже находят удовлетворение в его стабильности и гарантированных потребительских стандартах. Люди постепенно теряют чувство собственного достоинства и самостоятельность. В некотором смысле они сами становятся опорой несправедливой политической системы. И чтобы освободиться от постоянного гнета власти и мелких житейских обстоятельств, они должны начать с самих себя, с преодоления своих страхов. В этом изменении сознания и самоутверждении человека и заключается начало его политического освобождения и в конечном счете, преодоление господствующего в обществе насилия.

Известный правозащитник и политик В. Гавел выступал против принципа насильственной смены системы или правительства как условия общественных преобразований. Все это нечто поверхностное, вторичное, что само по себе еще ничего не гарантирует. В действительности же любой насильственный политический переворот недостаточно радикален. Необходимо изменить самого человека, восстановить его достоинство и права [5, с. 277 – 278].

Теоретические аргументы В. Гавела прокомментировал Б. Г. Капустин. Необходимость такого нравственного очищения людей и их последующего объединения продиктована задачей формирования свободного и дееспособного субъекта политических преобразований. Такой субъект может быть сформирован только снизу, только собственными усилиями. При этом единственно возможные жизнеспособные формы ассоциирования людей могут сложиться только в частной их жизни, поскольку поле публичной политики полностью «зачищено» властями от неугодных элементов. Тем самым все официальные политические организации при-

обретают в глазах людей фиктивный или манипулятивный характер и отвергаются ими. В новых протестных объединениях на уровне гражданского общежития люди обретают нравственные силы и желания для активного сопротивления лживому и репрессивному политическому режиму. При этом любые решения и действия (даже бытовые и культурные), несомнимые или объективно представляющие угрозу для существования системы, приобретают значительный политический эффект. В результате этого протеста постепенно формируются и собственно политические формы и методы сопротивления [6, с. 369 – 372].

Сам В. Гавел указывал, что перспектива «экзистенциальной революции» состоит прежде всего в *нравственной реконструкции общества*, означающей радикальное обновление подлинного отношения человека к тому, что он называет «человеческим распорядком» (не только политическим). В него включается новый опыт бытия, обновленное положение в обществе и мироздании, по-новому понятая ответственность, обретение духовности по отношению к другому человеку и к человеческому сообществу и т. д. Политические результаты этого могут проявиться в создании таких структур, которые будут исходить в большей степени из *человеческого содержания*, чем из тех или иных формальных политических отношений и гарантий. Они реабилитируют такие ценности, как доверие, открытость, ответственность, солидарность, любовь. Данные структуры будут ориентированы не на «технический» аспект исполнения власти, а на суть этого исполнения. Они должны быть открытыми, динамичными и небольшими и не препятствовать возникновению структур иного рода. Такие структуры автор представляет не в виде органов или институтов, но в виде сообществ. Заформализованным традиционным политическим организациям (например, массовым партиям) он предпочитает организации, возникающие по случаю и сходящие со сцены по достижении конкретных целей [5, с. 306 – 307].

Заметим, что отказ в дееспособности традиционным политическим институтам и организациям и упование автора на малые политические сообщества, основанные на личных связях и доверии, представляются в условиях массового общества не вполне реалистическими. В то же время можно поддержать идею автора о том, что подобные структуры должны возникать исключительно снизу, как следствие подлинно общественной самоорганизации и коллективного действия. Он справедливо подчеркивает при этом значение принципов самоуправления и самоконтроля.

Главным оружием борьбы против деморализованной репрессивной системы, основанной на принуждении, лжи и фальши, по мысли В. Гавела, является правда. Она становится важным фактором борьбы с властью даже в том случае, когда касается не политических вопросов, а предметных представлений о жизни. Любая правда, относящаяся к различным областям жизни, подрывает систему и доверие к ней. Поэтому посттоталитарная или недемократическая система воспринимает ее как угрозу своему существованию. А носители правды, сколь бы малочисленны они ни были, подвергаются преследованиям. С другой стороны, на основе правды и моральной правоты происходит объединение людей и их вступление в пространство политического противостояния власти. Таким образом, правда превращается в непосредственную политическую силу и формирует

оппозицию, которая в любой момент может перейти к активным гражданским акциям [5, с. 237 – 239].

Таким образом, ненасилие есть борьба со злом, с репрессивным режимом, с антигуманной политикой и удушающей реальностью. Но это борьба особого рода, не связанная с применением насилия. Поэтому ненасилие выступает как особая и действенная политическая сила, опирающаяся на прочные моральные основания. М. Ганди говорил о ненасилии не слабого, но сильного. Это, прежде всего, духовная сила, сила духа, направленная на общественные преобразования. Данные преобразования связаны с изменениями в сознании и политической позиции как управляющих, так и управляемых. При этом для выражения политической воли и интересов должны широко использоваться необходимые процедуры и политические институты современной демократии. Ненасилие также обеспечивает вполне прагматическое достижение политических целей, только иным по сравнению с насилием способом.

Существуют и иные теоретические подходы. Так, Е. Л. Дубко рассматривает ненасилие как архаическую этическую позицию, которая не годится для современной цивилизации. Это философия жертвы и страдания, выражение бессилия, политический утопизм. Ненасилие полемически характеризуется как форма социальной девиации, отказ от борьбы, смирение и пассивность, и в конце концов потворство злу [7, с. 288 – 289].

В политической практике ненасилия должны быть объединены различные аспекты. Во-первых, оно предполагает установку на совершение добра, а не на увеличение количества зла в обществе. Оно положительно характеризует мотивы и нравственные качества протестующих. Одновременно такая позиция характеризуется известной осторожностью и разборчивостью в применении всего многообразия допустимых и недопустимых к использованию политических средств. Ведь и самые добрые намерения отнюдь не гарантируют желаемые результаты. Тем более, что они могут сочетаться с неправовыми средствами.

Поэтому, во-вторых, очень важно обеспечивать неприменение насильственных методов и средств политической борьбы. Она должна опираться на демократические нормы и процедуры и согласовываться с существующими законами. Особенно недопустимы преступления против жизни, достоинства граждан, их прав (в т. ч. и на собственность) и свобод. Но также запрещено посягать на коллективные права народов или отдельных групп и общие принципы государственного устройства. Должен быть установлен определенный баланс интересов и взаимных обязательств между властями и протестующими, а также определенные правила игры, которые будут неукоснительно соблюдаться всеми участниками политического процесса.

Наконец, ненасилие есть определенное свойство результатов политики, связанного с уменьшением социального зла и утверждением приоритета свободы. Причем данное обстоятельство должно быть признано всеми заинтересованными сторонами. Акции ненасилия не должны способствовать росту человеческой агрессии, недоверию и нарушению социальных связей. Они не могут разрушать политические институты демократии и отменять действующие законы. Но данные действия могут предлагать альтернативные политические проекты, способные в глазах инициаторов расширить границы политической свободы, заменить существую-

щие правила и обеспечить более эффективное регулирование общественных процессов. Поэтому они могут содержать в себе элементы политического или психологического принуждения, с необходимостью сопровождающие любые политические изменения. Но при этом право всех субъектов на самостоятельное мнение и поведение не ставится под сомнение.

Ненасилие может рассматриваться как определенная тактика политической борьбы и включать в себя вполне технологические моменты. Проведение подобной линии предполагает соблюдение определенного набора правил политического взаимодействия: 1) признание правомерности альтернативной позиции, ее связи с жизненными интересами людей; 2) необходимость постоянного гражданского диалога, общественных дискуссий и обмена мнениями; 3) допустимость политических компромиссов, поиск взаимоприемлемых решений и выходов из конфликтной ситуации; 4) вовлечение оппонентов в процессы сотрудничества, укрепление социальных связей и забота о будущем данных отношений.

Данные требования с необходимостью должны быть соблюдены при проведении различных акций протеста и гражданского неповиновения. Отметим, что при организации массовых митингов протеста по итогам выборов на Болотной площади 10 декабря 2011 г. и 4 февраля 2012 г., на проспекте Сахарова 24 декабря 2011 г. и в других местах поведение участников носило мирный характер и проходило в рамках закона. Столь же корректно и сдержанно вели себя силы правопорядка. Это очень благоприятные симптомы растущей гражданской зрелости населения и демократичности институтов власти. Тем самым создаются возможности для политического диалога и взаимопонимания. Тем не менее события 5 марта на Пушкинской площади показали, что остаются силы, заинтересованные в беспорядках и открытых конфликтах.

Литература

1. Ганди, М. Речи и статьи о ненасилии и ненасильственном сопротивлении / М. Ганди // Мораль в политике. Хрестоматия. – М., 2004.
2. Кинг, М. Л. Паломничество к ненасилию / М. Л. Кинг // Ненасилие: философия, этика, политика. – М., 1993.
3. Гусейнов, А. А. Этика ненасилия / А. А. Гусейнов // Вопросы философии. – 1992. – № 3.
4. Нибур, Р. Сохранение моральных ценностей в политике / Р. Нибур // Мораль в политике: хрестоматия. – М., 2004.
5. Гавел, В. Сила бессильных / В. Гавел // Мораль в политике: хрестоматия. – М., 2004.
6. Капустин, Б. Г. Моральный выбор в политике / Б. Г. Капустин. – М., 2004.
7. Дубко, Е. Л. Политическая этика: учебник для вузов / Е. Л. Дубко. – М., 2005.
8. Уровень протестных настроений [Электронный ресурс] // Доминанты. Поле мнений: социологический бюллетень. – 2012. – № 10. – 15.03.2012. – Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/map/dominant/dom1210/d121003>.

Информация об авторе:

Омеличкин Олег Викторович – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, КемГУ, 8(3842) 54-49-33, comel@kemsu.ru.

Omelichkin Oleg Viktorovich – Doctor of Political science, Professor at the Department of Political Science of Kemsu.

Как показывают данные различных опросов, большинство россиян считают, что президентские выборы прошли без мошенничества, подлога, фальсификаций и т. д. Подобные реальные случаи не могли существенно повлиять на итоговые результаты выборов. Что касается парламентских выборов, то здесь ситуация иная: больше тех, кто отмечает наличие таких случаев на избирательных участках. Не случайно, по данным Фонда «Общественное мнение», на 11 марта 2012 г., 30 % респондентов лично испытывали недовольство, готовность участвовать в акциях протеста, и только 63 % не разделяли подобные настроения [8]. Таким образом, протестный потенциал общества продолжает оставаться довольно высоким.

В результате проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

– ненасилие является оружием угнетенной стороны, не обладающей политическими ресурсами, но отнюдь не смирившейся со своим положением и стремящейся изменить политическую ситуацию, не умножая зла и насилия в обществе;

– политика ненасилия связана с формированием субъекта гражданского действия, характеризующегося нравственным сознанием, мужеством, терпением, солидарностью и политической активностью;

– данная политика оказывает существенное воздействие на власть, способствуя дискредитации ее политики, последующему изменению ее позиции и признанию справедливости требований низов;

– акции ненасилия влияют на общественное мнение, вызывая сочувствие и солидарность у людей, впечатленных моральной аргументацией и бескорыстием действий несогласных, их готовностью к самопожертвованию.